

Изображеніе душевно-больныхъ въ творчествѣ Гоголя.

И изображалъ ли Гоголь душевно-больныхъ? На это можетъ быть одинъ отвѣтъ: Гоголь, въ этомъ отношеніи, не отличается отъ другихъ писателей—Сервантеса, Пушкина, Шекспира и иныхъ. Всѣ эти писатели, не исключая Сервантеса съ его Донъ-Кихотомъ и Шекспира съ его типами Гамлета, Лира, Офеліи, изображали гораздо болѣе условія, среди которыхъ и благодаря которымъ развивается душевная болѣзнь, чѣмъ самую болѣзнь, изображали скорѣе предвѣстники болѣзни, нежели ея полное развитіе и ея законченныя формы. Тоже можно сказать и о Гоголѣ. Еслибы великій художникъ давалъ спеціальныя этюды изъ жизни и психологіи душевно-больныхъ, его произведенія имѣли бы, вѣроятно, меньшую цѣнность. Гоголь обращается къ читателю вообще, а не къ узкому кругу специалистовъ. И Гоголь и писатели вообще изображаютъ жизнь въ широкомъ значеніи этого слова.

Жизнь душевно-больныхъ можетъ тѣмъ съ большимъ правомъ сдѣлаться матеріаломъ и объектомъ художественнаго

произведения, что эта жизнь близко соприкасается съ жизнью здоровыхъ людей. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ медицинскимъ авторамъ классической древности, а въ началѣ минувшаго столѣтія онъ выраженъ знаменитымъ французскимъ психіатромъ въ слѣдующей научно-точной формулѣ: *Que de meditations pour le philosophe qui, se derobant au tumulte du monde, parcourt une maison d'aliénés! Il y retrouve les mêmes infortunes: c'est le même monde; mais dans une semblable maison les traits sont plus forts, les nuances plus marquées, les couleurs plus vives, les effets plus heurtés, parceque l'homme s'y montre dans toute sa nudité, parcequ'il ne dissimule pas sa pensée, parce qu'il ne cache pas ses défauts, parce qu'il ne prête point à ses passions le charme qui seduit, ni à ses vices les apparences qui trompent* *).

Такимъ образомъ, печальный міръ душевно-больныхъ можетъ быть доступенъ пониманію художника, наравнѣ съ міромъ здоровыхъ людей. Художники и писатели, случайно посѣщающіе домъ умалишенныхъ, поражаютъ специалиста-психіатра своей проникающей въ пониманіи и оцѣнкѣ душевнаго состоянія больного. Гоголь стоялъ на высотѣ такого пониманія. Въ отношеніи Гоголя высказывались даже въ печати предположенія, что онъ потому понималъ душевно-больныхъ, что самъ носилъ въ себѣ зачатокъ душевной болѣзни. Оставляя здѣсь безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, страдалъ ли Гоголь душевной болѣзью, мы ограничиваемся краткимъ замѣчаніемъ, что и безъ этого условія Гоголь, подобно всякому художнику, могъ изображать душевно-больныхъ при помощи своего творческаго чутья и таланта.

Безспорный типъ душевно-больного представленъ Гоголемъ въ „Запискахъ Сумасшедшаго“; почти болѣзненный экстаатическій

*) Esquirol, Des maladies mentales, Paris 1831 pagl.

идеализмъ нарисованъ въ фигурѣ Пискарева, который по тонкому выраженію художника „спалъ на яву и бодрствовалъ во снѣ“; въ фигурѣ Акакія Акакіевича представлены минимальныя умственные способности, какія долженъ имѣть человѣкъ, чтобы не быть слабоумнымъ. Нѣкоторые (Юрьевскій проф. В. Ф. Чижевскій) видятъ изображеніе помѣшаннаго и въ фигурѣ Плюшкина. Останемся на этихъ фактахъ.

Въ образѣ Плюшкина мы не усматриваемъ душевной болѣзни. Хотя Гоголь надѣляетъ своего героя однимъ признакомъ дегенерации—нижне-челюстнымъ прогнатизмомъ (подбородокъ у Плюшкина выступалъ очень далеко впередъ), но въ остальномъ „его лицо не представляло ничего особеннаго“. Но этотъ единственный физическій признакъ дегенерации стоялъ въ соотношеніи съ нѣкоторой природной односторонностью характера—преобладаніемъ ума надъ чувствомъ [„слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ его лица, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ“]. Таковы природныя задатки у Плюшкина. Неблагопріятныя, душу очерствляющія событія жизни (смерть жены, отъѣздъ изъ дому дочери, расточительность сына, смерть второй дочери, полное нравственное одиночество) содѣйствовали дальнѣйшему развитію той односторонности характера, которая существовала отъ природы и выражалась дѣятельнымъ практическимъ умомъ при слабыхъ чувствахъ. Развился такимъ образомъ типическій порокъ человѣческой натуры: жадность и скряжничество. Но и на высотѣ окончательнаго развитія своей порочной души Плюшкинъ, въ изображеніи Гоголя, остался нравственно пошлымъ и гадкимъ, но здоровымъ человекомъ, судя потому что не утратилъ вниманія („глазки бѣгали, не потухнули“), имущество свое онъ не позволялъ расхищать, какъ это случилось бы у слабоумнаго; его богатства гнили на мѣстѣ, но онъ не выпускалъ ихъ изъ своихъ жадныхъ рукъ и не сталъ равнодушенъ къ основному стремленію своей жизни—наживѣ,

какъ сталъ бы слабоумный, утрачивающій интересъ къ своимъ собственнымъ идеямъ бреда и стремленіямъ. Словомъ, это—ничтожность, мелочность, гадость, какъ справедливо говоритъ намъ художникъ, но не душевная болѣзнь, какъ думаетъ профессоръ Чижъ.

Въ замѣчательномъ произведеніи „Записки Сумасшедшаго“ Гоголь представилъ въ гротескахъ, въ рѣзкихъ формахъ всѣ главнѣйшіе недостатки и тайные пороки чувства, ума, воли и стремленій, свойственныхъ одинаково и душевно-больному и здоровому человѣку: великій художникъ своимъ несравненнымъ талантомъ иллюстрировалъ тѣ многосодержательныя хотя и краткія слова великаго психіатра, которыя нами приведены выше.

Въ „Запискахъ Сумасшедшаго“ Гоголь показалъ намъ, прежде всего, мечтательный умъ, приводящій человѣка къ идеямъ величія, тайно лелѣемымъ въ глубинѣ души. Мелкій чиновникъ Поприщинъ начинаетъ думать объ особенномъ къ себѣ вниманіи начальника, начинаетъ мечтать о томъ, что „если бы и дочка“... За этимъ, ассоціаціи идутъ у него по наклонной плоскости мечтательнаго ума: онъ замѣчаетъ благосклонность начальника, видитъ его дочь, пытается слѣдить за нею, мечтаетъ о ея благосклонности. На этомъ пути все фантастическое представляется ему благосклоннымъ, все реальное враждебнымъ—это естественный логическій антитезъ какъ больного, такъ и здороваго ума. Оттого начальникъ отдѣленія кажется ему враждебнымъ, завидующимъ. Далѣе, желанія ведутъ Поприщина въ кабинетъ его превосходительства, въ гостинную, на половину ея превосходительства и затѣмъ, по поводу сильныхъ инстинктовъ, больной Поприщинъ погружается въ міръ галлюцинацій, соответствующихъ его душевному настроенію. Отсюда одинъ шагъ къ испанскому трону.

Какимъ бы нелѣпымъ ни представлялось намъ мышленіе помѣшаннаго, но оно плоть отъ плоти и кость отъ костей мышленія здороваго человѣка. За исключеніемъ, быть можетъ, только людей реально-строгихъ и дисциплинированныхъ, обыкновенный человѣ-

чeskій умъ и обычная людская мечтательность въ глубинѣ души, вдали отъ людскаго ока, любятъ рисовать себѣ блистательныя перспективы, награждаютъ себя удивленіемъ современниковъ, всеобщимъ успѣхомъ и т. п. Собственная личность для большинства людей является такимъ же источникомъ преувеличеній и субъективныхъ переоцѣнокъ какъ и у душевно-больного. Гербертъ Спенсеръ не безъ основанія говоритъ, что совершенная правдивость принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ добродѣтелямъ. Даже люди, считающіе себя безусловно правдивыми, ежедневно грѣшатъ по отношенію къ оцѣнкѣ самихъ себя разными преувеличеніями и недомолвками. Преувеличеніе есть качество почти универсальное (Основанія Этики, § 156).

Въ „Запискахъ Сумасшедшаго“ Гоголемъ изображена одна изъ тѣхъ формъ помѣшательства, для которыхъ спутанность мыслей является однимъ изъ существенныхъ признаковъ. Но этотъ мыслительный порокъ свойственъ и здоровому уму. Тотъ упрекъ, который Поприщину сдѣланъ начальникомъ отдѣленія: „Что это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда ералашъ такой“, можно съ полнымъ правомъ сдѣлать многимъ и многимъ, если бы этихъ многихъ мы узрѣли въ домашней интимности ихъ мысли. На людяхъ у каждаго человѣка воля напрягается, мысль пріосанивается, и человѣкъ въ это время становится выше своей обычной мечтательности и спутанности. Эту общечеловѣческую слабость художникъ изображаетъ намъ на примѣрѣ помѣшаннаго, заставляя насъ глядѣть въ зеркало обнаженной человѣческой души. Въ художественной формѣ Гоголь показываетъ намъ то самое, о чемъ научнымъ языкомъ говоритъ Эскироль и о чемъ въ философскомъ афоризмѣ напоминаетъ намъ Спенсеръ.

„Записки Сумасшедшаго“ оканчиваются сценой которая производитъ на многихъ непримиримо-двойственное впечатлѣніе. Эта сцена изображаетъ въ художественно-трогательныхъ чертахъ

предсмертное проясненіе сознанія у помѣшаннаго: несчастному больному, вполне понимающему свои страданія и освободившемуся отъ болѣзненныхъ грезъ, видится родной домъ съ его обстановкой, съ сидящей у окна матерью, къ которой умирающій страдалецъ обращается съ мольбою о помощи... Но вдругъ сознаніе обрывается, и несчастный—снова въ бреду, „а знаете ли, говоритъ онъ, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка“. Этимъ внезапнымъ оборотомъ, этимъ возвращеніемъ безумнаго бреда и сознательности горестная участь Поприщина рисуется для читателя въ сугубо-трагическомъ видѣ! Хотѣлось бы читателю, чтобы несчастный, на минуту страхнувшій съ себя безуміе, умеръ *человѣкомъ*, но онъ умираетъ *безумцемъ*. Это событіе невольно напоминаетъ намъ трагическій фактъ отреченія отъ Христа христіанскихъ мучениковъ въ самый моментъ мученической смерти. Церковь признавала такихъ мучениковъ святыми, потому что отреченіе ихъ совпадало съ моментомъ и съ процессомъ самой смерти: Христіанская церковь справедливо признавала, что они „претерпѣли до конца“.

И. Сикорскій.